ПОѢЗДКА ПО ЛАДОЖСКОМУ ОЗЕРУ.

Въ ясное іюньское утро пріѣхали мы къ Смольному-Монастырю, на пристань шлиссельбургскаго парохода. *Комета* дымилась. На палубѣ, по-обыкновенію, пестрѣли дамскія шляпки и военныя фуражки. Въ девять часовъ пробилъ послѣдній звонокъ, и пароходъ снялся съ пристани.

Сопровождаемый непзбѣжными салютами шляпъ и бѣлыхъ платковъ, поднялся онъ вверхъ по Невѣ, прошелъ мимо Александро-Невской-Лавры, и вотъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, особливо по лѣвому, начали показываться огромныя строенія, прорѣзанныя въ нѣсколько этажей сотнями оконъ, и задымились исполинскія трубы — clochers de l'industrie. Цѣлый часъ тянулся передъ нами этотъ мануфактурный Невскій-Проспектъ, эта гигантская улица фабрикъ и заводовъ. Многіе изъ нихъ щеголяютъ даже въ архитектурномъ отношеніи, особенно зданія чугуннаго и фарфороваго завода—одно легкое и свѣтлое какъ фарфоръ, другое тяжелое и мрачное какъ чугунъ, и, наконецъ, Александровская-Мануфактура. Но можно ли назвать фабрикою этотъ городокъ, съ его пятью тысячами жителей, съ его садами и дачами, съ его шумомъ и дѣятельностью? Это Бирмингамъ въ миніатюрѣ...

Александровская-Мануфактура — одно изъ важнѣйшихъ фабричныхъ заведеній въ Россіи, какъ по обширности производства, такъ и по качеству издѣлій. Она основана въ концѣ прошлаго вѣка аббатомъ Оссовскимъ, и по смерти его поступила въ казну и пожалована Воспитательному-Дому. На ней явилась первая паровая машина въ Россіи и положено начало механическому пряденію. Когда мы поравнялись съ мануфактурою, поклонники преферанса раскинули уже на палубѣ парохода зеленый столъ, и какой-то господинъ, солидныхъ лѣтъ, вышелъ изъ каюты съ двумя колодами картъ. Онъ распечаталъ ихъ съ такой ловкостью, которой позавидовали бы Андерсонъ и Боско: обертки затрещали какъ хлопушки, и карты дождемъ полетѣли на столъ.

— Браво! закричалъ кто-то: это салютъ въ честь Александровской-Мануфактуры.

— А что, господа, не выпить ли за нее?

— Прекрасно! шампанскаго!

Вино явилось, и несмотря на раннее утро, тостъ за благоденствіе Александровской-Мануфактуры отозвался передъ ея стѣнами. Благодаря этому обстоятельству, я вспомнилъ, что здѣсь работаются карты на всю Россію!

Черезъ нѣсколько минутъ на правомъ берегу показалась Рыбацкая-Слобода, бывшая вотчина императрицы Елисаветы Петровны, за нею дача г. Дубянскаго, а верстахъ въ пяти оттуда селеніе нѣмецкихъ колонистовъ, съ красивою маленькой церковью, съ чистенькими домиками, обнесенными палисадомъ. На берегу играли дѣти въ цвѣтныхъ платьицахъ и соломенныхъ шляпкахъ. Это лѣтніе, петербургскіе гости! На правомъ берегу, при впаденіи рѣки Ижоры, забѣлѣло большое село, съ чистыми каменными домами — рѣдкость для русской деревни. Это Усть-Ижора, извѣстная побѣдой Александра-Невскаго надъ Шведами, въ которой, по словамъ нашихъ лѣтописцевъ, онъ собственнымъ мечомъ *возложилъ печать на лицо* Биргеръ-Ярла, зятя короля Эрика-

Картаваго. Здѣсь часто останавливался Петръ I на пути изъ Шлиссельбурга въ столицу, и тутъ построена была *земляная фортеція;* но теперь, говорятъ, нѣтъ и слѣдовъ ея!

Между-тѣмъ нѣкоторые пассажиры безпрестанно обращались къ шкиперу съ вопросомъ: скоро ли будутъ пороги!

— Вотъ пороги! отвѣчалъ наконецъ шкиперъ.

— Гдѣ? гдѣ?

Онъ указалъ на рѣку. Всѣ надежды туристовъ разлетѣлись въ-пухъ: Невскіе-Пороги не только не похожи на Иматру или Нарвскій-Водопадъ, но ихъ нельзя и замѣтить, если не покажутъ. Они находятся между селеніемъ Усть-Тосною и старою мызой Пеллою, почти на серединѣ Невы, и съ перваго взгляда совсѣмъ не страшны. На берегу виднѣются разсѣянные камни и вдаются незамѣтно въ самую рѣку; только быстрое теченіе, крупная зыбь и небольшіе всплески показываютъ опасность этого мѣста. Но для судоходства оно очень-важно: часто суда по нѣскольку дней стоятъ вблизи пороговъ, выжидая благопріятнаго вѣтра и не отваживаясь перешагнуть черезъ эту невидимую, но опасную грань. Какъ-будто въ утѣшеніе нашимъ пассажирамъ, наканунѣ большая барка съ дровами попала на камни. Когда мы проходили мимо, она была въ самомъ незавидномъ положеніи: середина, опираясь на камни, выдавалась вверхъ, а края погружались въ воду, и она отчаянно скрипѣла, какъ-будто умоляя о помощи. Подлѣ нея стояли двѣ большія лодки, и рабочіе съ нѣснями перегружали на нихъ дрова. Эта сцена нѣсколько вознаградила туристовъ.

За порогами начали опять появляться дачи, то на томъ, то на другомъ берегу. Самая замѣчательная изъ нихъ Островки, принадлежащая г. Чоглокову. Живописное мѣстоположеніе, высокій берегъ, красивыя башни, прикрытыя прекрасной зеленью, и все это, отраженное въ зеркалѣ небольшаго залива, замкнутаго зелеными островками—невольно привлечетъ ваше вниманіе. На всемъ протяженіи невскихъ береговъ это самое красивое мѣсто. Наконецъ налѣво показалась небольшая мыза г-жи Рѣзвой, и вслѣдъ-затѣмъ, на низменномъ острову, какъ-будто прямо на водѣ, возникли желтоватыя стѣны Шлиссельбургской-Крѣпости, а за ними синѣло темною полосой обширное Ладожское-Озеро.

Мы ѣхали отъ Смольнаго-Монастыря до Шлиссельбурга ровно шесть часовъ. А давно ли случалось, что отправляясь изъ Петербурга на «народной лодкѣ», пріѣзжали въ Шлиссельбургъ при неблагопріятной погодѣ на другія сутки! Но знаете ли вы, что̀ такое «народная» лодка?

Подлѣ Невскаго-Монастыря есть двѣ пристани, откуда въ извѣстные дни отправляются въ Новую-Ладогу, Тихвинъ и мѣста, лежащія по пути. На этихъ пристаняхъ увидите вы всегда нѣсколько большихъ лодокъ, неуклюжихъ и грязныхъ. Лодки эти обыкновенно раздѣляются на двѣ половины: назади находится небольшая каюта для отдѣльныхъ семействъ, а въ передней части помѣщаются прочіе пассажиры. Въ каютѣ тянутся, вокругъ, голыя деревянныя лавки, а подъ палубой нѣтъ ничего, кромѣ пола. Вы пріѣзжаете на пристань, спрашиваете, идетъ ли лодка, и есть ли мѣсто? Вамъ отвѣчаютъ, что мѣсто есть и лодка сейчасъ отправится. Успокоенные, вы приказываете перенести на лодку вашу поклажу и отпускаете лошадь. Лодка еще пуста... Проходитъ часъ, вы начинаете скучать; спрашиваете, скоро ли отправятся, и лодочникъ опять отвѣчаетъ вамъ—*сей-часъ*; и опять проходитъ

цѣлый часъ, а вы не видите ни малѣйшихъ приготовленій къ отъѣзду. Остается одно изъ двухъ: или отыскать извощика, и, бросивъ задатокъ, уѣхать съ пристани, или, вооружась всѣми орудіями терпѣнія, ждать еще часъ или два. Наконецъ лодка понемногу начинаетъ наполняться, и скоро наполняется до такой степени, что въ ней, какъ-говорится, негдѣ яблоку пасть. Въ переднемъ отдѣленіи мужички разстилаютъ свои кафтаны и полушубки, кладутъ котомки и располагаются, говоря безъ преувеличенія, какъ сельди въ бочкѣ. Можете представить, какія удовольствія ожидаютъ васъ на пути, хотя вы и заняли мѣсто въ каютѣ, хотя вы и помѣстились на лавкѣ, гдѣ можете даже свободно шевелиться. Наконецъ пассажиры, или какъ говорятъ здѣсь, сѣдоки — собрались, лодочникъ напился чаю, на лодку втащили лошадь, которая должна будетъ тянуть ее, и судно переправляется на другую сторону Невы. Раздается громкій голосъ лодочника: «молись, ребята!» Всѣ встаютъ разомъ, снимаютъ шапки и молятся на золотые кресты Невскаго-Монастыря. Вы двинулись. Не прошло часа, лодка останавливается у брандвахты, для предъявленія и прописки накладной, въ которой означено, откуда и куда слѣдуетъ лодка, и гдѣ, въ особой графѣ, подъ печатнымъ титуломъ *названіе клади*, крупно и четко написано *съ пассажирами*. И накладная не ошибается. Стоитъ заглянуть во внутренность судна, чтобъ увѣриться, какъ вѣрно это выраженіе. Здѣсь пассажиры въ-самомъ-дѣлѣ могутъ быть названы кладью. Проходитъ часъ. Но вотъ вы миновали эту заставу, лошадь высажена на берегъ, и лодка пошла на бичевѣ. Знаете ли, что это значитъ? Бичевою называется длинная веревка — и одинъ конецъ ея привязанъ къ верхушкѣ мачты, или лучше сказать шеста, поставленнаго посереди лодки, а другой прикрѣпляется къ хомуту тощей клячи, на которую сажаютъ работника, обыкновенно мальчишку отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Эта движущаяся машина въ четверть лошадиной силы, побуждаемая ударами лѣниваго погонщика, тянетъ лодку вверхъ по Невѣ. Можете представить, какъ это идетъ скоро. Замѣтьте еще, что навстрѣчу вамъ безпрестанно попадаются суда, или вы обгоняете большія барки, которыя тянутся людьми, и, разумѣется, еще медленнѣе. Бичеву на вашей лодкѣ ослабляютъ и спускаютъ подъ встрѣтившееся судно, потомъ опять натягиваютъ, и эти остановки случаются иногда на одной верстѣ по нѣскольку разъ. Иногда бичева, по неосторожности лодочника, зацѣпляется за какое-нибудь судно, или за другую бичеву, и тогда надъ вашей головой раздается суетливый топотъ и оглушительный крикъ бородача-капитана: «засóрило! засóрило! отдай бичеву!» Этимъ крикомъ дается знать погонщику, чтобъ онъ отстегнулъ веревку отъ хомута; иначе лодка можетъ опрокинуться или стащить въ воду свою четвероногую машину и съ кондуктóромъ. Верстахъ въ четырехъ отъ пороговъ есть деревня Щербинка; тутъ вы останавливаетесь передъ харчевнею, и сѣдоки передняго отдѣленія спѣшатъ толпами обѣдать или ужинать. Волей-неволей вы принуждены терпѣливо ждать, когда вся публика покушаетъ и напьется чаю, а лошадь накормятъ и дадутъ ей выстояться. Черезъ два-три часа лодка отправляется далѣе. Такая же остановка ждетъ васъ еще разъ въ пятнадцати верстахъ отъ Шлиссельбурга, въ деревнѣ «Пески». Вотъ какія удовольствія ожидаютъ путешественника на лодкѣ. Одно только можетъ занять васъ дорóгою и доставить развлеченіе: это веселый и

острый русскій умъ, который не любитъ молчать, когда знаетъ, что онъ въ своемъ кругу, что есть съ кѣмъ перекинуться словцомъ или шуткой. Въ толпѣ сѣдоковъ передняго отдѣленія непремѣнно явится какой-нибудь разскащикъ съ неизбѣжною исторіей про батрака. Безпрерывныя шутки, неистощимая веселость — играютъ какъ пиѣй на русскомъ морозѣ...

Но не-уже-ли, спросите вы, и теперь есть люди, которые рѣшаются ѣздить на подобныхъ лодкахъ въ то время, когда на пароходѣ за ту же цѣну можно въ шесть часовъ проѣхать всю Неву? Да, ѣздятъ, хотя и менѣе прежняго, и, разумѣется, одинъ простой народъ. Что жь заставляетъ его предпочитать эти лодки пароходамъ? Привычка къ старому.

Нѣсколько «народныхъ» лодокъ попалось намъ дорогою. Изъ узенькихъ окошечекъ каюты, выглядывали пестрые платки. Мужички выходили на палубу и смотря на пароходъ, перебрасывали словами и улыбками, вѣроятно подшучивая надъ *машиною*.

Видъ Шлиссельбурга, когда вы подъѣзжаете къ нему по Невѣ, довольно-хорошъ. Налѣво тянется возвышенный берегъ, поросшій мелкимъ лѣсомъ, направо — обширный заливъ рѣки, и по берегу его, кучи городскихъ строеній, а прямо, на низменномъ островѣ, какъ-будто на водѣ—небольшая крѣпость съ желтоватыми стѣнами, и за нею Ладожское-Озеро.

Островъ, на которомъ построена крѣпость, назывался въ-старину Орѣховымъ, какъ говорятъ потому, что берега его покрыты были густымъ орѣшникомъ. По имени острова и городъ получилъ названіе *Орѣховца* или *Орѣшка*. Шведы перевели это имя на свой языкъ и назвали городъ *Нотенбургомъ*. Петръ-Великій, овладѣвъ имъ и основывая на взятіи его большія надежды, назвалъ Шлиссельбургомъ, то-есть «Ключомъ-Городомъ», и это имя онъ сохраняетъ до-сихъ-поръ. Положеніе Орѣховаго-Острова при истокѣ Невы, соединяющей Балтійское-Море съ Озеромъ Ладожскимъ и, слѣдовательно, съ внутренней Россіею, было очень-важно въ то время, когда Новгородъ торговалъ съ Нѣмцами и боролся съ Швеціею. Мимо этого острова шли за-море торговыя суда новгородскія, и входили въ озеро корабли враждебныхъ Шведовъ. Поэтому онъ сдѣлался настолщимъ яблокомъ раздора между врагами-сосѣдями.

Но я не буду разсказывать исторіи Шлиссельбурга, во-первыхъ, оттого, что говорить, какъ онъ переходилъ отъ Русскихъ къ Шведамъ и отъ Шведовъ къ Русскимъ, скучно и утомительно; во-вторыхъ, потому-что я намѣренъ описать одну дѣтскую шлиссельбургскую игру, которая дастъ самое наглядное понятіе о судьбѣ древняго Нотенбурга. Эта игра называется «*Въ-Орѣшекъ*». Вотъ въ чемъ она состоитъ. Дѣти обыкновенно раздѣляются на двѣ партіи, на два непріятельскія войска. Одни занимаютъ высокій берегъ канавки, лужи, или большой камень, какихъ много встрѣтите на нѣкоторыхъ улицахъ—и это Орѣшекъ. Другіе отходятъ прочь, потомъ начинаютъ понемножку приближаться и съ шумомъ нападаютъ на крѣпость. Они толкаютъ, стаскиваютъ своихъ враговъ и стараются занять ихъ мѣсто. Когда имъ удастся это, они кричатъ хоромъ: *мой городъ Орѣшекъ!* Тогда роли

перемѣняются: тѣ, которые прежде нападали, теперь должны защищаться; а противники ихъ, вытѣсненные изъ *Орѣшка*, приступаютъ къ нему до-тѣхъ-поръ, пока не овладѣютъ потеряннымъ мѣстомъ и въ свою очередь не закричатъ: *мой городъ Орѣшекъ!* Эта игра лучше всякихъ лѣтописей, даетъ понятіе объ исторіи древняго Орѣховца, столько разъ переходившаго изъ рукъ въ руки — и о безпрерывныхъ войнахъ Русскихъ съ Шведами, гдѣ онъ всегда игралъ важную роль.

Окончательное присоединеніе Нотенбурга къ Россіи послѣдовало въ 1702 году, и осада его принадлежитъ къ важнѣйшимъ событіямъ великой, сѣверной войны. Въ концѣ сентября, русскій передовой отрядъ расположился лагеремъ на мысу, гдѣ теперь находится кладбищенская Преображенская церковь, и началъ строить баттареи. Между-тѣмъ крѣпостныя пушки заграждали входъ въ Неву изъ озера, по которому прибыли наши суда съ большею частью войска. Тогда Петръ рѣшился на подвигъ, достойный баснословныхъ временъ Олега: онъ приказалъ перетащить суда въ Неву сухимъ путемъ, черезъ лѣсъ и болота. Тогда началась правильная осада крѣпости.

Утромъ 3 октября съ одной изъ ближайшихъ къ крѣпости баттарей производилась сильная стрѣльба. Баттареею командовалъ бомбардирскій капитанъ преображенскаго полка, высокій, стройный мужчина, среднихъ лѣтъ, въ простомъ мундирѣ, сверхъ котораго надѣто было короткое темносѣрое полукафтанье, опушенное мѣхомъ. Онъ хлопоталъ около орудій, отдавалъ приказанія и самъ направлялъ выстрѣлы на крѣпость. Его окружала толпа офицеровъ. Вдругъ послышался барабанный бой, на баттарею явился шведскій солдатъ въ синемъ мундирѣ. Это былъ парламентёръ изъ крѣпости къ русскому главнокомандующему, фельдмаршалу Шереметеву. Его привели къ капитану. Устремивъ орлиный взглядъ на Шведа, онъ взялъ отъ него письмо и началъ читать. Веселая улыбка показалась на выразительномъ лицѣ его.

— Госпожи дамы шведскія, сказалъ весело капитанъ, обращаясь къ окружавшимъ его офицерамъ: — просятъ генералъ-фельдмаршала выпустить ихъ изъ фортеціи, ради великаго безпокойства отъ дыма и огня. Но мы не хотимъ учинять напрасную трату времени и генералъ-фельдмаршала утруждать объ отвѣтѣ, и за него въ корреспонденцію вступить рѣшаемся.

Капитанъ махнулъ рукою; принесли бумагу и чернила. Склонясь на лафетъ, онъ написалъ собственноручно отвѣтъ шлиссельбургскимъ дамамъ, и подалъ его барабанщику.

— Мы отвѣтствуемъ, сказалъ онъ улыбаясь офицерамъ: — что не ѣдемъ къ господину фельдмаршалу за отвѣтомъ, вѣдая, что онъ любезныхъ супруговъ привести въ конфузію не рѣшится, и разлукой съ женами послѣдняго сикурсу отнять у нихъ не захочетъ; а буде госпожи офицерши заподлинно желаютъ выѣхать, то изволили бъ и любезныхъ супружниковъ вывести купно съ собою.

Офицеры захохотали. Барабанщику подали рюмку водки, и онъ отправился обратно въ крѣпость съ любезнымъ отвѣтомъ веселаго капитана. «Но сей комплиментъ» пишетъ государь въ своемъ журналѣ «знатно осаднымъ людямъ показался досаденъ.» И не мудрено! Баттарея Петра Михайлова гремѣла цѣлый день, и крѣпость была осыпана ядрами.

Шведы оборонялись храбро, но крѣпость съ каждымъ днемъ болѣе стѣснялась, стѣны рушились. Наконецъ назначенъ былъ приступъ.

Ночью на 11 октября охотники кинулись на судахъ къ острову; ихъ подкрѣпили гвардейскіе полки семеновскій и преображенскій. Но осаждающіе встрѣтили ужасный отпоръ: опустошительный картечный огонь и ружейные выстрѣлы, бревна и бомбы остановили храбрыхъ. Въ самую критическую минуту, когда осыпаемые выстрѣлами съ крѣпостныхъ стѣнъ, Русскіе замѣшались—къ острову подлетѣлъ катеръ. Изъ него выскочилъ офицеръ и подбѣжалъ къ предводителямъ.

— Приказано отступать, сказалъ онъ: — барабанщики — отбой!

Барабаны готовы были грянуть отступленіе, какъ-вдругъ Голицынъ, подполковникъ семеновскаго полка, старшій при отрядѣ, выступилъ впередъ и закричалъ офицеру: «Теперь не время отступать: я возьму фортецію! Ребята» продолжалъ онъ, обращаясь къ солдатамъ «отталкивай лодки!»

Солдаты стояли въ недоумѣніи. Голицынъ бросился къ нимъ съ обнаженной шпагой.

— Я своею рукою заколю ослушника, вскричалъ онъ громовымъ голосомъ.—Отталкивай лодки!

Въ-минуту всѣ суда, на которыхъ войско пристало къ острову, отпихнули отъ берега, и они медленно поплыли вниз по Невѣ, унося съ собою всякую надежду на возвращеніе безъ полной побѣды. Русскіе остались на острову, окруженномъ стремительнымъ теченіемъ рѣки, передъ крѣпостью, которая дышала огнемъ и смертью. Оставалось побѣдить или умереть. Солдаты, одушевленные опасностью, кинулись къ стѣнамъ: непріятель, изумленный такою смѣлостью, оробѣлъ и ударилъ отбой. Бѣлый флагъ взвился на башнѣ. Государь разцаловалъ Голицына, и, уважая храбрость непріятелей, дозволилъ гарнизону выйдти изъ крѣпости съ барабаннымъ боемъ, распущенными знаменами и пулями во рту (*).

Взятіе Орѣшка имѣло высокое значеніе въ глазахъ Петра-Великаго, что̀ показываетъ и самое названіе Ключъ-Городъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, этотъ ключъ отомкнулъ путь къ дальнѣйшему завоеванію при-балтійской страны и къ тому *окошку*, изъ котораго Русь взглянула потомъ на Европу. Въ-послѣдствіи Шлиссельбургъ получилъ новую важность, когда въ 1718 году Петръ приступилъ къ прорытію Ладожскаго-Канала; но великому преобразователю не суждено было видѣть конецъ этого предпріятія. Исполинскій каналъ былъ открытъ уже при императрицѣ Аннѣ—и она въ 1732 году проѣхала по немъ до самой Ладоги, на двадцати-четырехъ *буэрахъ*, сопровождаемая всѣмъ дворомъ.

Шлиссельбургская крѣпость стоитъ при самомъ истокѣ Невы, на низменномъ островкѣ. Желтоватыя стѣны ея замыкаются, по угламъ, башнями, съ красными невысокими кровлями. Надъ стѣнами высится шпицъ собора, а на восточной башнѣ развѣвается штандартъ. Окрестности однообразны и пустынны; тишина прерывается только боемъ часовъ, да плескомъ волнъ, шумящихъ по камнямъ. Взойдите на крѣпостную стѣну: съ одной стороны откроется городъ, съ мелкими домами, перерѣзанный каналомъ, по которому тянется длинная вереница мачтъ съ разноцвѣтными вымпелами; направо Нева и на краю ландшафта возвышенный Преображенскій-Берегъ съ кладбищенской церковью; съ другой—обширный заливъ Ладожскаго-Озера, и на немъ стан

(*) Журналъ Петра-Великаго. Т. I.

судовъ, бѣгающихъ какъ чайки. Крѣпость имѣетъ фигуру неправильнаго многоугольника. Башни ограждаются бастіонами, осыпанными бульжникомъ и сверху обложенными дёрномъ. Стѣны построены Шведами и поправлены послѣ взятія крѣпости Петромъ I. Названія нѣкоторыхъ башень до-сихъ-поръ напоминаютъ покорителей Нотенбурга и возобновителей его укрѣпленій: одна называется *Государевою*, другая *Головиною*. Подлѣ собора, съ восточной стороны, возвышается довольно-обширная продолговатая насыпь, гдѣ въ недавнее время начали разводить садъ. Разсказываютъ, что это общая могила Русскихъ и Шведовъ, падшихъ при взятіи крѣпости.

Мы переѣзжали въ крѣпость на казенномъ катерѣ. Лишь-только онъ достигъ половины пути, на крѣпостной стѣнѣ раздался громкій крикъ часоваго: «кто идетъ!» и повторился другимъ часовымъ на гауптвахтѣ въ самой крѣпости. Этимъ крикомъ дается знать коменданту о прибытіи кого-нибудь изъ города.

При первомъ взглядѣ на планъ Шлиссельбурга, нельзя не замѣтить выгоднаго его мѣстоположенія. Построенный на одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ Сѣверной Россіи, городъ омывается съ сѣвера широкою Невою, съ востока заливомъ Ладожскаго-Озера, и перерѣзывается двумя устьями канала, по направленію съ юга на сѣверъ и сѣверо-западъ. Такимъ-образомъ бо́льшая часть города расположена на островахъ. Но если вы полюбуетесь счастливымъ его положеніемъ, за-то самая постройка вамъ не понравится. Грязныя, по бо́льшей части не мощеныя улицы, маленькіе, ветхіе деревянные домики—производятъ непріятное впечатлѣніе. Пять или шесть частныхъ домовъ, фабрика Битепажа и церковь—вотъ всѣ каменныя зданія Шлиссельбурга. Нѣтъ ни гостинаго двора, ни публичнаго сада; только недавно на береговой дамбѣ Ладожскаго-Канала сдѣланъ бульваръ, и въ послѣднее время, по отдѣлкѣ Невской-Пристани и набережной, предположено развести на берегу Невы городской садъ. Такимъ-образомъ въ городѣ, кромѣ шлюзовъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго. Шлиссельбургскіе шлюзы принадлежатъ къ важнѣйшимъ сооруженіямъ въ Европѣ. Прежде на невскомъ устьѣ канала былъ трех-камерный шлюзъ изъ дикаго полеваго камня; но онъ пришелъ въ ветхость, и при управленіи Герцога Виртембергскаго Корпусомъ Путей Сообщенія приступлено было къ постройкѣ нынѣшняго великолѣпнаго четырех-камернаго шлюза. Чтобъ не прекращать навигаціи, сперва занимались работою одной половины шлюза, а потомъ другой, и въ 1832 году, ровно черезъ сто лѣтъ послѣ перваго открытія канала, всѣ четыре камеры открыты для прохода судовъ. При успѣвшейся навигаціи, для ускоренія выпуска судовъ изъ канала въ Неву, прорыто другое устье, которое сообщается съ рѣкою ниже перваго, и на немъ возникли теперь прекрасные двух-камерные шлюзы, открытые въ 1841 году. Вообще должно сказать, что теперь для древняго Орѣшка настаетъ время перемѣнить ветхую скорлупу на новую.

Городскія окрестности не богаты хорошими видами, но за-то-любители старины найдутъ въ нихъ не мало поживы. До-сихъ-поръ многое напоминаетъ Петра-Великаго. Въ двухъ верстахъ отъ крѣпости возвышенная часть лѣваго берега называется *Преображенскою-Горою*. Гора эта получила названіе оттого, что на ней, во время осады Нотенбурга, расположенъ былъ преображенскій полкъ. Недалеко отъ ограды находящагося тутъ кладбища, видны слѣды земляныхъ укрѣпле-

ній—остатки лагеря фельдмаршала Шереметева. Здѣсь переправлялся черезъ Неву на судахъ отрядъ преображенскаго полка, подъ личною командою государя, для взятія *пильной мельницы* на другомъ берегу рѣки. Недалеко отъ этой мельницы, слѣды которой видны еще и теперь въ имѣніи Рѣзвыхъ, протекаетъ *Драгунскій-Ручей*. Преданіе говоритъ, что во время осады здѣсь стояли драгуны. Въ одиннадцати верстахъ отъ города, по дорогѣ къ столицѣ, на лѣвомъ берегу Невы, увидите вы нѣсколько высокихъ сосенъ, обнесенныхъ деревянною загородкою. Это такъ-называемая *Красная-Сосна*. Подъ нею, говорятъ, отдыхалъ Петръ-Великій. Неизвѣстно, когда это случилось — въ то ли время, какъ русское войско, овладѣвъ Орѣшкомъ, пошло къ Нейшанцу, или послѣ, во время которой-нибудь изъ частныхъ поѣздокъ государя по Невѣ. Разсказы старожиловъ о Красной-Соснѣ не согласны: одни говорятъ, что это тѣ самыя деревья, подъ которыми отдыхалъ государь; другіе думаютъ, что то дерево погибло, а эти сосны выросли въ-послѣдствіи на его мѣстѣ. Предоставляемъ натуралистамъ рѣшить вопросъ.

Климатъ въ Шлиссельбургѣ отличается тѣми же качествами, какъ и въ столицѣ, и сѣверо-восточные вѣтры, дующіе съ Ладожскаго-Озера, съ честью выдержатъ соперничество съ своими финскими собратами, столько знакомыми Петербургцамъ. Но говоря о климатѣ Шлиссельбурга, нельзя не упомянуть о здѣшнихъ *мошкахъ*, единственномъ самобытномъ произведеніи мѣстной почвы. Олеаріи, проѣзжая въ 1633 году Нотенбургъ, удивлялся необыкновенному множеству этихъ насѣкомыхъ. Вотъ что онъ говоритъ: «Въ Нотенбургѣ насъ очень безпокоили мошки, въ родѣ тѣхъ, которыя по-латинѣ извѣстны подъ именемъ paraustа: ихъ было такое множество, что они помрачали воздухъ и не позволяли намъ ни на минуту открыть глазъ (*). Можетъ-быть эти слова покажутся преувеличенными, какъ многіе другіе разсказы иностранцевъ о Россіи; но кто жилъ въ Шлиссельбургѣ, тотъ подтвердитъ ихъ достовѣрность. Въ нынѣшнее время, когда берега озера осушены каналомъ, и бо́льшая часть болотъ уничтожена, эти мошки появляются въ иные годы въ такомъ множествѣ, что домы, улицы, деревья, покрываются цѣлыми тучами ихъ, а канавы наполняются ими на вершокъ и болѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что особенности почвы и климата производятъ эти міріады насѣкомыхъ. Проходя по улицѣ, я замѣтилъ одинъ новенькій домъ, какого-то неопредѣленнаго цвѣта, и мнѣ показалось, что онъ какъ-будто покрытъ пухомъ, трепещущимъ отъ вѣтра. Подхожу ближе—и что́ же? Домъ недавно былъ выкрашенъ, и къ свѣжей краскѣ пристали милліоны мошекъ, такъ-что не осталось дюйма, который не былъ бы ими облѣпленъ. Многія, прилѣпясь только краями крыльевъ, еще бились и трепетали.

Мы остановили прохожаго старика, тащившаго старую рыболовную сѣть.

— Что́, дѣдушка, всегда у васъ бываетъ такъ много мошекъ?

— Годъ-на-годъ не приходитъ, отвѣчалъ онъ:—конеча, слава Богу, уродилъ Господь.

— Слава Богу? Да что́ вамъ въ этомъ добрѣ?

— Какъ что́?

(*) Записки Олеарія. Т. I.

— Да на что онѣ вамъ?
— Какъ на что? А рыба-то!
— Чтожь рыба?
— Да коли мошки много, то и рыбы въ-волю.

Я порадовался, что шлиссельбургскіе жители на самомъ непріятномъ произведеніи своего климата построили добрую примѣту.

Несмотря на близость къ столицѣ, въ Шлиссельбургѣ сохранился русскій національный костюмъ. Мы видѣли, какъ горожанки шли въ церковь, въ шелковыхъ сарафанахъ, обшитыхъ золотымъ галуномъ, въ кокошникахъ и повязкахъ, низанныхъ жемчугомъ и украшенныхъ фольгою, съ длинными лентами, вплетенными въ косы. Но говорятъ, что кокошники убываютъ въ Шлиссельбургѣ замѣтно съ каждымъ годомъ, и постепенно смѣняются платочкомъ, чепцомъ и, наконецъ, шляпкой. Меня увѣряли, что на одной изъ шлиссельбургскихъ улицъ въ послѣднее время открылся даже магазинъ съ русскою надписью на французскомъ языкѣ: *Модесъ этъ робесъ*. Но, признаюсь, я самъ этого не видалъ.

На той же самой пристани въ Шлиссельбургѣ, гдѣ останавливается невскій пароходъ, стоитъ другой, гораздо-болѣе. Надъ колесами его виднѣется надпись: *Валаамъ*. Это пустынникъ ладожскихъ водъ, постоянно путешествующій по озеру, въ Сердоболь и Новую-Ладогу.

Въ шесть часовъ по полудни пассажиры собрались, и «Валаамъ» снялся съ пристани. Медленно обогнулъ онъ крѣпость; желтоватыя стѣны и башни древняго «Орѣшка» прошли мимо насъ, и въ пяти верстахъ, на Копкиномъ-Мысу зачернѣлъ высокій маякъ. Множество судовъ стояло передъ нимъ на якоряхъ, ожидая попутнаго вѣтра. Пройдя мысъ, пароходъ вышелъ въ открытое озеро: Шлиссельбургъ началъ тонуть вдалекѣ, крѣпостныя башни погружались ниже и ниже. Чѣмъ далѣе, тѣмъ картина становилась однообразнѣе, водное зеркало раскидывалось обширнѣе, рамы его опускались ниже, наконецъ городъ скрылся вдали, золотой крестъ соборной колокольни блеснулъ послѣднимъ лучомъ и исчезъ; со всѣхъ сторонъ видѣлась вода, ограниченная небомъ, и только налѣво тянулась черноватая полоса западнаго берега, низменнаго и лѣсистаго. Шумъ пароходныхъ колесъ, да тяжелые, однообразные удары машины, нарушали мертвую тишину. Черезъ три часа на западѣ показался Мысъ-Марія, далеко вдающійся въ озеро.

Вѣтеръ началъ усиливаться, изъ крупной зыби образовалось волненіе, пароходъ стало качать. Черезъ часъ стемнѣло, и вѣтеръ еще болѣе скрѣпчалъ; качка сдѣлалась довольно-сильною и неправильною; волны, разбиваясь о грудь парохода, крупнымъ дождемъ орошали палубу. Большая часть пассажировъ удалилась въ каюту.

Нигдѣ не случалось мнѣ встрѣчать такого пестраго общества, такой смѣси одеждъ и лицъ, какъ на ладожскомъ пароходѣ. Богомольцы, туристы, купцы, монахи, Финны — все это толпится вмѣстѣ: вы слышите славянскія фразы, французскій языкъ и чухонскіе разговоры. Когда я вошелъ въ каюту, она была совершенно полна: двое молодыхъ людей, развалясь на подушкахъ, читали вполголоса Monte-Cristo. Посерединѣ стоялъ зеленый столъ, и двое господъ почтенной наружности нетерпѣливо постукивали картами, между-тѣмъ, какъ третій хлопоталъ,

стараясь вручить кому-нибудь изъ пассажировъ четвертую карточку. Наконецъ нашелся партнёръ, русскій купецъ съ бородкою, въ коричневой шинели. Онъ съ поклономъ принялъ карту и усѣлся за столъ. Вдругъ изъ толпы послышался женскій голосъ:

— Кузьма Михѣичъ! а, Кузьма Михѣичъ!

Купецъ всталъ и подошелъ къ женѣ, полной женщинѣ въ драдедамовомъ салопѣ. Она что-то сказала ему тихо, но довольно-выразительно.

— Ничего! отвѣчалъ онъ:—здѣсь, матушка, дѣло публичное. Надо же убить какъ-нибудь время; вишь ты тоска какая, куда ни глянь — все вода, да вода.

Купчиха сказала еще что-то въ-полголоса мужу и посмотрѣла на него очень-сурово.

— Ничего! возразилъ онъ опять: — Нужно же чѣмъ-нибудь заняться; вишь и не пилъ ничего, а какъ пошатываетъ.

Суровая супруга вздохнула и съ упрекомъ покачала головою.

— Да можетъ вы сами не хотите ли въ свои козыри? сказалъ помолчавъ купецъ: — картъ мы достанемъ.

— Тьфу ты! проговорила съ досадой купчиха, отвернулась отъ мужа и придвинулась къ какимъ-то старушкамъ. Мужъ отошелъ къ столу—и вистъ начался. Жена часто посматривала искоса на супруга, вздыхала на всю каюту и изрѣдка зѣвала.

Между-тѣмъ картина была прекрасная: озеро кипѣло, вѣтеръ срывалъ пѣнистыя вершины волнъ и далеко разносилъ ихъ брызги; на кормѣ парохода, у компаса, горѣла свѣча, отбрасывая яркій свѣтъ на лоцмана, сѣдаго старика съ живописнымъ лицомъ и длинной бородою, развѣваемою вѣтромъ.

Озеро бушевало всю ночь, и пароходъ шелъ медленнѣе обыкновеннаго. Недостатокъ въ дровахъ заставилъ насъ зайдти въ Чортову-Лахту. Этотъ заливъ, въ шести верстахъ отъ Коневскаго-Острова—единственная пристань для большихъ судовъ на всемъ западномъ берегу Ладожскаго-Озера. Высокіе, лѣсистые берега и значительная глубина дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ пунктовъ на озерѣ. Здѣсь заготовляются въ большомъ количествѣ дрова, и всегда нѣсколько судовъ нагружаются ими для отправленія въ столицу. Сильный туманъ заставилъ насъ простоять въ Лахтѣ болѣе четырехъ часовъ. Наконецъ онъ мало-по-малу разсѣялся; но мрачныя облака закрывали небо, и крупная зыбь волновала озеро. Въ десять часовъ утра мы вышли изъ Лахты, и вотъ забѣлѣла ограда и церковь Коневскаго-Монастыря на берегу лѣсистаго острова.

Коневскій-Островъ лежитъ во ста десяти верстахъ отъ Шлиссельбурга, и простирается въ окружности на одиннадцать верстъ. Основаніе обители относится къ концу XIV вѣка, когда св. Арсеній поселился здѣсь съ иконою Божіей Матери, перенесенною имъ съ Аѳонской-Горы. Финскіе язычники, обитавшіе на противоположномъ берегу, пасли на островѣ свои стада, и въ благодарность духамъ, покровителямъ скотоводства, каждое лѣто приносили жертву на одномъ большомъ камнѣ и оставляли подлѣ него коня. Преданіе утверждаетъ, что оттого камень, на которомъ совершались жертвоприношенія, названъ *Конемъ-камнемъ*, а послѣ и самый островъ получилъ названіе *Коневца*. Арсеній, поселясь на островѣ, разорилъ языческій алтарь. Монастырь находился сперва на Святой-Горѣ, гдѣ теперь скитъ; но послѣ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Въ-послѣдствіи, когда Корель-

скій-Берегъ былъ покоренъ Шведами, монахи удалились съ аѳонскимъ образомъ въ Новогородскій-Деревяницкій-Монастырь. По завоеваніи Петромъ-Великимъ западнаго берега Ладожскаго-Озера, монастырь Коневскій былъ возобновленъ и причисленъ къ Деревяницкому; но въ 1760 году объявленъ независимымъ, и въ-послѣдствіи возвращена ему и аѳонская икона.

Пароходъ остановился на якорѣ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ пристани, устроенной передъ самымъ монастыремъ. Монахи перевезли насъ въ нѣсколько минутъ на берегъ на монастырскихъ лодкахъ. Всѣ зданія новыя, и во всемъ монастырѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ старины.

Я хотѣлъ видѣть «Конь-камень», и мнѣ дали проводника. Мы отправились на *Святую-Гору*, находящуюся въ полуверстѣ отъ монастыря. На этомъ возвышеніи была прежде обитель, и едва-ли это не лучшее мѣсто на всемъ островѣ; теперь здѣсь построенъ скитъ и при немъ церковь. Полюбовавшись мѣстоположеніемъ этой пустыни, пошли мы къ «Коню-камню», который лежитъ въ сѣверо-западной части острова, въ полуторѣ верстѣ отъ монастыря. Узкая тропинка извивалась между высокими соснами и гранитными обломками и, наконецъ, привела насъ къ большой скалѣ сѣраго гранита, поросшей мохомъ. Это «Конь-камень». На самомъ хребтѣ его возвышается небольшая деревянная часовня, а подлѣ нея изъ развалины камня выбѣгаетъ молодая березка. Я взошелъ по лѣстницѣ въ часовню, и меня поразила дикость этого мѣста: кругомъ мракъ и тишина, огромныя сосны стоятъ неподвижно, какъ мрачные стражи заповѣднаго камня, и таинственнымъ шатромъ раскидываютъ надъ нимъ свои густыя вѣтви. Камень вышиною въ шесть аршинъ, а окружность его до тринадцати саженъ; но обломки гранита, разсѣянные вокругъ и очевидно оттергнутые отъ него временемъ, доказываютъ, что прежде онъ былъ гораздо-болѣе.

Коневскій-Монастырь въ настоящее время довольно многолюденъ: въ немъ до ста-двадцати человѣкъ монашествующихъ, а всѣхъ жителей на островѣ около двух-сотъ человѣкъ.

Въ четыре часа по-полудни мы переѣхали на пароходъ и тотчасъ же снялись съ якоря. Погода была прекрасная: вѣтеръ утихъ, небо очистилось. Часа черезъ три Коневскій-Островъ и западный берегъ озера потонули вдали, вода свѣтлѣла какъ хрусталь, ни одного судна не было видно на озерѣ, ни одного облачка на небѣ, и только дымъ отъ пароходной трубы длинной полосою тянулся по направленію едва-замѣтнаго вѣтра, и расширялась болѣе-и-болѣе, сѣрымъ облакомъ висѣлъ на краю горизонта. Мы прошли Вощаный-Островъ, лежащій въ сорока верстахъ отъ Коневца, потомъ небольшой островокъ Мигарку, и тутъ зачернѣлъ вдали высокій берегъ Валаама.

Внутрь острова вдается глубокій проливъ. Это *Никонова-Пристань*, лучшая гавань на всемъ Ладожскомъ-Озерѣ. Глубокая, окруженная высокими берегами, она такъ безопасна, что самыя большія суда могутъ стоять въ ней безъ якоря, на одной веревкѣ, во время сильнѣйшей бури. Деревянный крестъ, поставленный на скалѣ, служитъ маякомъ для входа въ пристань. Мы вошли въ проливъ. Онъ вьется сперва между островами, окружающими Валаамъ; обогнувъ Марья-Сари, Сааретъ и Кохта-Лагу, высокіе, каменистые, поросшіе лѣсомъ — уклоняется къ сѣверу, омываетъ Лета-Сари съ группою другихъ скалъ, и потомъ вдается внутрь главнаго острова. На маленькомъ Николаев-

скомъ-Островкѣ показалась небольшая каменная часовня, а за нею вдали, на высокомъ берегу, забѣлѣла ограда и соборъ Валаамскаго-Монастыря. Еще съ версту прошли мы отъ часовни проливомъ: съ обѣихъ сторонъ тянулись обрывистыя скалы; мрачныя сосны стояли непроницаемой стѣной на ихъ вершинахъ, и желтоватый мохъ лѣпился по ихъ обнаженнымъ ребрамъ. Пароходъ, сдѣлавъ быстрый, искусный поворотъ въ узкомъ проливѣ, подошелъ къ пристани. Надъ нашими головами, на высокомъ каменномъ утесѣ, нависшемъ надъ водою, возвышался монастырь съ высокими бѣлыми стѣнами, изъ-за которыхъ далеко въ небѣ сверкали главы собора. Надъ балюстрадой, примкнутой къ самому краю скалы, стояли монахи; ихъ черныя рясы казались еще черньѣе при яркой бѣлизнѣ стѣнъ, освѣщенныхъ послѣдними лучами солнца. Въ вышинѣ, какъ-будто за нѣсколько верстъ, глухо раздавался колокольный звонъ.

Основаніе Валаамской-Обители теряется въ неизвѣстности. Полагаютъ, что апостолъ Андрей, послѣ проповѣди на берегахъ Ильменя и Волхова, посѣтилъ Валаамъ, и поставя на немъ крестъ, благословилъ пустынный островъ. Основателями монастыря почитаютъ святыхъ Сергія и Германа; но когда они жили—неизвѣстно. Одни думаютъ, что эти пустынники поселились на островѣ еще во времена Ольги; другіе относятъ это событіе къ XIV вѣку, и кажется, послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе, потому-что Корельскій-Берегъ, близъ котораго лежитъ Валаамъ, поступилъ въ подданство Россіи не ранѣе 1348 года. Во времена междоцарствія, когда Делагарди опустошалъ берега озера, монахи перевезли гробницы Сергія и Германа въ Николаевскій Старолодожскій-Монастырь, и обитель была разорена. По прошествіи уже ста лѣтъ, при Петрѣ-Великомъ, Валаамскій-Монастырь былъ возобновленъ, и прахъ его основателей возвращенъ на островъ. Въ настоящее время въ обители считается до ста-семидесяти человѣкъ братіи. Но подробности объ этомъ, любопытные читатели могутъ найдти въ благочестивыхъ пропзведеніяхъ нашего современнаго паломника, А. Н. Муравьева.

По прекрасной гранитной лѣстницѣ поднялись мы въ монастырь. Въ немъ нѣтъ, кажется, никакихъ древностей. Передъ папертью собора возвышается гранитная четырехъ-сторонняя пирамида, воздвигнутая въ память посѣщенія обители Императоромъ Александромъ въ 1818 году. Это посѣщеніе до-сихъ-поръ живо въ памяти иноковъ: они разсказываютъ, какъ государь провелъ двѣ ночи въ монастырѣ, молился въ толпѣ монаховъ, посѣщалъ скитъ и пустынниковъ и любовался окрестностями.

Пароходъ остался на Валаамѣ до утра. Ночь была прекрасная. Я пошелъ бродить по монастырю и зашелъ на кладбище, или, какъ здѣсь говорятъ, *усыпальницу*. Мнѣ хотѣлось видѣть такъ-называемую *могилу Магнуса*, на которой надпись утверждаетъ, будто король шведскій былъ постриженъ и умеръ въ этомъ монастырѣ. Но доска съ надписью снята для поновленія, и я не видалъ ея. Хотя эта могила не заслуживаетъ довѣрія, потому-что, по шведскимъ лѣтописямъ, Магнусъ умеръ въ Норвегіи, однако, она весьма-любопытна, тѣмъ-болѣе, что у насъ есть одинъ древній актъ, извѣстный подъ именемъ *магнусова завѣщанія* (*), въ которомъ также говорится о постриженіи шведскаго короля въ схиму въ монастырѣ *Спаса*.

(*) Древняя Россійская Вивліоѳика. 1782. Т. II.

Возвратясь на пароходъ, я не нашелъ многихъ изъ нашихъ пассажировъ: они остались въ монастырѣ—одни до возвращенія нашего изъ Сердоболя, а другіе даже на цѣлую недѣлю, до будущей поѣздки. Мы поужинали и заснули въ каютѣ подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ. Съ восходомъ солнца пароходъ двинулся изъ залива.

Едва мы повернули къ сѣверу, какъ вдали зачернѣли острова или шеры сердобольскія, и съ каждой минутою выше-и-выше возникали изъ воды. Между ними открылись проливы. Эти острова, замыкающіе сѣверный берегъ озера, выше Валаама. Они состоятъ изъ дикихъ скалъ сѣраго гранита, мѣстами опушенныхъ мелкими соснами; по обрывистымъ краямъ ихъ желтѣетъ мохъ, и въ трещинахъ камней лѣпится тощій кустарникъ. Чѣмъ далѣе подвигались мы проливомъ къ сѣверу, тѣмъ болѣе чувствовали приближеніе суровой и мрачной Финляндіи: кустарникъ становился рѣже, нагіе утесы мрачнѣе. Версты за двѣ до Сердоболя, дикая картина оживилась: на озерѣ показалось множество лодокъ. Чухны изъ окрестныхъ селеній спѣшили въ городъ къ воскресной службѣ, въ нарядныхъ платьяхъ—мужчины въ синихъ суконныхъ курткахъ съ металлическими пуговицами, женщины въ шерстяныхъ полосатыхъ юбкахъ яркихъ цвѣтовъ, съ мѣдными и жестяными бляхами на шеѣ. Пароходъ обогнулъ мысъ, и вотъ показался отлогій берегъ, склоняющійся къ озеру, а по скату его ряды деревянныхъ строеній; это Сердоболь.

Насъ увидѣли изъ города: толпы народа бѣжали по улицѣ къ берегу, и скоро вся набережная, пристань и два стоявшіе у берега галіота были покрыты, запружены народомъ. На насъ смотрѣли съ удивленіемъ, какъ на выходцевъ изъ другаго міра. Когда пароходъ подошелъ къ пристани, Финны спѣшили на него толпами, тѣснились, толкали другъ друга, и съ ребяческимъ изумленіемъ осматривали каюту, машину, всякій уголокъ парохода. Дѣвочки принесли ягодъ и отдавали за безцѣнокъ. Въ толпѣ женщинъ я не нашелъ ни одного лица, въ которомъ было бы что-нибудь привлекательное, и если всѣ красавицы Финляндіи похожи на сердобольскихъ, то не знаю, какъ чухонскій Аполлонъ, богъ поэзіи и гармоніи, божественный Вейнемейненъ, могъ найдти въ толпѣ подобныхъ дамъ свою Погіольскую красотку, и какова была Сакаміела, древняя богиня любви у языческихъ обитателей суровой Сомаландіи. Но если я не видалъ ни одного лица, замѣчательнаго красотою, за-то видѣлъ много такихъ, которыя вполнѣ оправдывали старую и неоспоримую славу Финновъ въ колдовствѣ и чародѣйствѣ, славу, которою они пользовались со временъ старика Геродота до такой степени, что слова *Финнъ* и *волшебникъ* сдѣлались на сѣверѣ синонимами, и охотники до тайныхъ наукъ ѣздили издалека учиться въ Финляндію и Карелію. Нѣсколько лицъ, загорѣлыхъ и сухихъ, съ блестящими впалыми глазами, съ длинными прядями рыжихъ волосъ, такъ и напомнили тѣхъ чародѣевъ, которые, какъ разсказываютъ саги, наводили мракъ на солнце, волновали море, вызывали мертвыхъ, и своими заклинаніями способствовали даже, какъ утверждаетъ преданіе, побѣдамъ Густава-Адольфа въ Германіи, и только не могли заговорить одного русскаго оружія. Теперь потомки страшныхъ финскихъ чародѣевъ, осматривая пароходъ, смотрѣли на него какъ на произведеніе волшебства. Времена переходчивы!

Сердоболь называется по-фински *Сардовала*. Онъ такъ не великъ,

что достаточно одного часа, чтобъ обойдти его кругомъ и осмотрѣть вдоль и поперегъ. На краю города, на возвышеніи, стоитъ деревянная чухонская церковь, довольно-обширная, странной архитектуры. Передъ нею было множество двухъ-колесныхъ таратаекъ, на которыхъ съѣхались къ обѣднѣ окрестные жители : о числѣ прихожанъ можно было судить по толпамъ, бѣжавшимъ смотрѣть на пароходъ... Строеніе въ городѣ деревянное, домики небольшіе, улицы мощены камнемъ. Но если самый городъ незанимателенъ, за-то окрестности его очень-недурны : свѣтлый заливъ, омывающій подошву набережной, высокіе берега, опушенные кустарникомъ и желтѣющіе мохомъ, возвышенія, амфитеатромъ расположенныя на сѣверъ, а за ними вдали горы — все это вознаграждаетъ за непріятное впечатлѣніе, производимое наружностью самаго города.

Въ 11 часовъ мы пошли въ обратный путь. Лоцманъ, желая угодить намъ, повелъ пароходъ другимъ проливомъ. Здѣсь видъ еще лучше : двѣ каменныя скалы поднимаются съ обѣихъ сторонъ стѣнами и глубоко отражаются въ водѣ. На другой день утромъ мы были уже въ Шлиссельбургѣ.

Учрежденіе ладожскаго пароходства принадлежитъ къ числу такихъ предпріятій, которыя, самымъ наглядымъ образомъ, опровергаютъ закоренѣлые предразсудки невѣжества. Давно ли случалось слышать отъ людей, повидимому образованныхъ, что постоянное сообщеніе по Невѣ почти невозможно, что при сильномъ противномъ вѣтрѣ пароходу нельзя будетъ подняться въ порогахъ! И что же? До-сихъ-поръ не было ни одного случая, чтобъ вѣтеръ могъ задержать невскій-пароходъ. О плаваніи по Ладожскому-Озеру слухи были еще невыгоднѣе : увѣряли, что никакой пароходъ не уцѣлѣетъ на страшномъ озерѣ, что подводные камни, мели и разсыпчатое неправильное волненіе остановятъ предпріятіе въ самомъ-началѣ. Опровергать невѣжество можно только фактами, и рядъ благополучныхъ рейсовъ ладожскаго парохода — самый убѣдительный фактъ, что плаваніе по озеру не только возможно, но и безопасно.

Желая осмотрѣть подробнѣе ладожскій край, я рѣшился побывать на юго-восточномъ берегу озера, и прогулку, начатую Невою, кончить Волховомъ. «Валаамъ» готовъ опять къ услугамъ. На другой день по пріѣздѣ изъ Сердоболя, въ шесть часовъ вечеромъ, мы сѣли на пароходъ, и волны Ладожскаго-Озера снова запѣнились подъ его колесами. На этотъ разъ погода благопріятствовала намъ, какъ-нельзя-болѣе: ночь была чудная, одна изъ тѣхъ прозрачныхъ сѣверныхъ полу-ночей, когда заря сходится съ зарею, звѣзды загораются на часъ и солнце только окунается въ воду, чтобъ явиться опять свѣжѣе и лучше прежняго...

Поутру мы пріѣхали въ Новую-Ладогу. Петръ-Великій, покоря Шлиссельбургъ и положивъ основаніе новой столицѣ на берегахъ Невы, приказалъ построить городъ при самомъ впаденіи Волхова въ Ладожское-Озеро и населить его жителями Старой-Ладоги. Вотъ начало нынѣшней Новой-Ладоги. Городъ очень-невеликъ, по постройкою лучше Шлиссельбурга. Въ немъ каменный гостиный дворъ, нѣсколько хорошихъ домовъ и три церкви, всѣ недавней постройки. Новоладожскіе шлюзы послѣ шлиссельбургскихъ не представляютъ

ничего любопытнаго. Мнѣ показывали одинъ частный домъ, принадлежащій здѣшнему гражданину, и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ, какъ утверждаютъ старожилы, останавливался Петръ-Великій, въ то время, когда пріѣзжалъ осматривать работы Ладожскаго-Канала. Вотъ единственная историческая рѣдкость Новой-Ладоги. Мы пріѣхали въ городъ во время ярмарки, которая начинается здѣсь съ Успеньева-дня и продолжается двѣ недѣли. Эта ярмарка похожа на всѣ уѣздныя ярмарки. Въ гостиномъ-дворѣ отперты всѣ лавки, вокругъ раскинуты палатки, въ которыхъ вы увидите, по-обыкновенію, ситцы и рогожи, ленты и капаты, деготь и помаду, подковы и серьги. Около палатокъ толпился народъ. Передъ гостинымъ-дворомъ стоптъ нѣсколько дорожныхъ экипажей какого-то неопредѣленнаго цвѣта, запряженныхъ четверками разношерстныхъ коней; подлѣ нихъ кучера въ сѣрыхъ армякахъ ѣдятъ сайки.

Когда мы обѣдали въ гостинницѣ, мальчикъ подалъ намъ афишу, писанную на синей бумагѣ, которая извѣщала, что съ дозволенія городскаго начальства, прибывшіе изъ Новгорода актёры, будутъ имѣть честь дать представленіе. Мы рѣшились отправиться въ театръ и полюбоваться уѣзднымъ спектаклемъ.

Вечеромъ насъ привели къ какому-то лабазу, довольно-непривлекательной наружности. Въ передней или сѣняхъ, у деревяннаго некрашенаго столика, передъ небольшой шкатулкой и сальнымъ огаркомъ въ жестяномъ подсвѣчникѣ, сидѣла женщина въ чепцѣ. Мы спросили билеты.

— Вамъ угодно въ кресла?

— Да.

— Пятьдесятъ копеекъ серебромъ.

— А другія мѣста?

— Первое мѣсто двадцать пять копѣекъ, второе десять.

Не дороги же удовольствія въ Новой-Ладогѣ! Намъ отворили дверь, и мы вошли въ залу, если такъ можно назвать сарай, наскоро обтянутый парусиною, въ которомъ замѣтны были еще слѣды недавно хранившейся муки. Передъ сценою поставлены были въ три ряда стулья — и ихъ-то, вѣроятно, изъ вѣжливости къ публикѣ, назвали креслами. За ними тянулись скамейки, па-скорую руку сколоченныя изъ досокъ, какъ обыкновенно дѣлается въ масличныхъ балаганахъ — это первыя мѣста. Наконецъ въ глубинѣ сарая отдѣлено деревянною перегородкой небольшое пространство, гдѣ нѣтъ никакихъ лавокъ. Это вторыя мѣста, и въ нихъ публика наслаждается стоя. Театръ освѣщенъ десятками двумя сальныхъ свѣчъ, и одной большой розетой изъ зеркальныхъ стеколъ, повѣшенной сзади, надъ послѣдними мѣстами. Сцена отдѣлена отъ зрителей большимъ лоскутомъ сѣрой холстины, съ какимъ-то живописнымъ изображеніемъ. Я никакъ не могъ разсмотрѣть, что это такое: товарищъ мой увѣрялъ, что лира; а сидѣвшій подлѣ купецъ, прислушавшись къ нашему разговору, возразилъ: никакъ нѣтъ-съ, это орелъ! Холстина повѣшена была на длинномъ шестѣ и служила запавѣсомъ. Въ креслахъ, кромѣ насъ, было человѣкъ тридцать зрителей, и нѣкоторые, въ-ожиданіи спектакля, лакомились яблоками и ягодами. Первыя мѣста были совершенно пусты, за-то во вторыхъ слышался смѣшанный шумъ и говоръ многочисленной толпы, изрѣдка раздавались звонкіе поцалуи знакомокъ, хохотъ пріятелей и громкая перекличка изъ угла въ уголъ на весь ново-ладожскій театръ.

Въ ожиданіи открытія спектакля, я вышелъ въ сѣни и завелъ разговоръ съ женщиной, которая продавала билеты. Она отрекомендовалась мнѣ хозяйкою труппы, директриссою, и мы начали бесѣдовать о труппѣ ея, путешествіяхъ по провинціямъ и доходахъ. Она горько жаловалась на равнодушіе русской публики къ изящному, на трудности, съ какими сопряжено званіе содержателя странствующей труппы и невозможность доставать хорошихъ актёровъ за умѣренную плату. Я замѣтилъ ей, что, кажется, она не можетъ жаловаться на равнодушіе публики, что бо́льшая часть креселъ занята, а послѣднія мѣста набиты не хуже петербургскаго райка въ длинный праздничный бенефисъ.

— О, если бы все это было за деньги, сказала она со вздохомъ: — мы не говорили бы.

— Но развѣ вы пускаете даромъ? спросилъ я.

— Да, въ креслахъ мѣстъ и пяти человѣкъ за деньги, отвѣчала директриса: — тутъ хозяинъ здѣшняго дома съ семействомъ, трактирщикъ, у котораго взяты стулья... Нельзя же отказать имъ. Въ послѣднихъ мѣстахъ также половина народа даромъ.

— Однако шкатулка у васъ, кажется, не пуста?

— Неугодно ли полюбопытствовать.

Она открыла шкатулку. Тамъ была ассигнація въ три рубля, два цѣлковыхъ и рубля на три серебромъ мелочи. Вотъ весь сборъ! Въ это время къ дверямъ подъѣхали дрожки, и въ сѣни вошелъ какой-то мужчина. Хозяйка поклонилась ему съ привѣтливой улыбкой.

— Ну, что? Скоро у васъ начинаютъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Сію-минуту, отвѣчала директрисса, съ новымъ поклономъ.

Господинъ прошелъ въ кресла. Я отправился также въ театръ.

Черезъ минуту за занавѣсомъ послышался какой-то ужасный шумъ, котораго я сначала не могъ понять: это была увертюра. Оркестръ состоялъ изъ скрипки, флейты и бубна, но изъ нихъ особенно отличался бубенъ: онъ гремѣлъ и ревѣлъ такъ усердно, что совершенно покрывалъ другіе инструменты. Проигравъ два раза одну и ту же пѣсню, оркестръ умолкъ. Вслѣдъ за тѣмъ подняли, или лучше сказать притянули кверху занавѣсъ по какому-то скрипучему блоку. Начался водевиль Конн. Декорація представляла комнату и состояла изъ задней стѣнки, окрашенной сѣрою краскою, и двухъ желтыхъ кулисъ съ подобіями оконъ. Актёры были одѣты довольно-порядочно, только молодой левъ, герой пьесы, былъ въ зеленыхъ замшевыхъ перчаткахъ, которыя для бо́льшаго эффекта онъ безпрестанно поправлялъ и натягивалъ. Главная черта провинціальной декламаціи та, что актёры говорятъ какъ-то на-распѣвъ и сильно размахиваютъ руками. Я замѣтилъ еще одну забавную особенность въ ихъ произношеніи: вмѣсто-того, чтобъ сказать: «ногами, глазами», они всѣ говорятъ: «ногамъ, глазамъ». Но вообще водевиль шелъ довольно-сносно: его поддерживала молодая актрисса, которая довольно-порядочно держала себя, не махала руками и говорила не на-распѣвъ. По окончаніи водевиля актёръ, занимающій первыя комическія роли, и по-видимому пользующійся большою репутаціей въ труппѣ, вышелъ въ костюмѣ стараго подъячаго, и довольно-неловко разыгрывая роль пьянаго, пропѣлъ пѣсню изъ комедіи Шаховскаго:

«У насъ въ питьѣ считается три класса:
Одинъ, когда зовется пить въ красу,
Когда огонь зардѣется вкругъ глаза
И разцвѣтутъ піоны на носу.....»

Эта пѣсня была повторена два раза. И въ креслахъ, и въ послѣднихъ мѣстахъ, хлопали. Не желая еще разъ насладиться ревомъ оркестра и не-любопытствуя видѣть другой водевиль, мы отправились въ гостиницу. Вотъ краткій очеркъ провинціальнаго театра. Мнѣ случалось видать нѣсколько подобныхъ трупиъ, и всѣ онѣ въ главныхъ чертахъ похожи одна на другую.

Я хотѣлъ посмотрѣть Старую-Ладогу и рано утромъ послалъ за лошадьми. Мнѣ привели порядочную тройку, и черезъ нѣсколько минутъ мы отправились по берегу Волхова.

Мой извощикъ—лихой малый. Онъ объѣздилъ половину Россіи, бывалъ въ Архангельскѣ, Варшавѣ, Тифлисѣ, былъ даже въ Берлинѣ, куда возилъ по подряду какія-то вещи. Много разсказывалъ онъ мнѣ о Польшѣ, Кавказѣ, Пруссіи. Его разсказы напоминаютъ старинныя путешествія русскихъ людей въ чужія земли. Меня особенно занялъ разсказъ его о поѣздкѣ въ Берлинъ.

Въ разговорахъ съ этимъ извощикомъ я и не видалъ, какъ прошелъ часъ.

Если вамъ случится ѣхать изъ Новой-Ладоги вверхъ по Волхову, то въ тринадцати верстахъ отъ города, на лѣвомъ берегу рѣки, увидите небольшое село Успенское. Съ перваго взгляда оно ничѣмъ не отличается отъ нашихъ деревень: въ немъ нѣсколько десятковъ избъ, и кажется пятьдесятъ душъ жителей. Но посмотрите на красивую луговину, примыкающую къ Волхову, окруженную возвышеніями, прорѣзанную извилистымъ теченіемъ рѣчки, на берегахъ которой построено село; посмотрите на окружающіе его монастыри и церкви, на ветхую каменную стѣну небольшой крѣпости съ полуразвалившимися башнями, и вы угадаете, что эта деревня имѣла прежде другое значеніе. Да, это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ нашихъ, отчина Великаго-Новгорода и, можетъ-быть, первая столица перваго русскаго князя, это Старая-Ладога, Альдога, Альдейгабургъ, съ именемъ которой столько боролись наши археологи и историки, и которая своими несокрушимыми стѣнами побѣдоносно отразила всѣ приступы ихъ всесокрушающей учености. Въ этомъ же городѣ, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, былъ первый *столъ* Рюрика? Древняя крѣпость и церковь, на утѣшеніе любителей старины, уцѣлѣли, несмотря на то, что надъ ними пролетѣло около семи вѣковъ.

Гюго говоритъ, что лучшій вѣкъ зданій есть вѣкъ ихъ старости. Въ-самомъ-дѣлѣ, иногда время удивительно украшаетъ зданія. Оно придаетъ имъ какой-то особый цвѣтъ, какой-то видъ привлекательной дряхлости, бороздитъ ихъ глубокими морщинами, покрываетъ сѣдинами. Мертвая развалина дѣлается такъ же живописною, какъ и живая развалина дряхлаго, но прекраснаго старика. Развалины старо-ладожской крѣпости отличаются подобною красотой: толстыя каменныя стѣны обвалились и поросли блѣдно-зеленою полынью; башни растрескались, и изъ оконъ ихъ выглядываютъ густыя рябины; а за стѣнами спряталась маленькая церковь, съ почернѣвшею кровлей, съ позеленѣвшею главой, какъ отшельникъ въ стѣнахъ ветхой кельи.

Ладожская-Крѣпость извѣстна въ окрестной сторонѣ подъ именемъ *Рюриковой*. Время основанія Старой-Ладоги, какъ и другихъ древнѣйшихъ городовъ нашихъ, относится ко временамъ доисторическимъ;

построеніе же крѣпости, основываясь на свидѣтельствѣ лѣтописцевъ и на самомъ названіи ея, сохранившемся до-сихъ-поръ въ народномъ преданіи, приписываютъ Рюрику. Опасаясь идти съ малочисленною дружиною въ бурный, многолюдный Новгородъ, онъ хотѣлъ прежде увѣриться въ искренности Славянъ, въ повиновеніи ихъ, и потому остановился въ маленькомъ пограничномъ городѣ и построилъ небольшой, но крѣпкій замокъ, въ которомъ могъ обороняться съ своей дружиной. Въ-послѣдствіи, утвердясь въ землѣ славянской, онъ долженъ былъ еще болѣе дорожить Ладогою, какъ оплотомъ новаго отечества отъ нашествія своихъ единоземцевъ. Въ XII вѣкѣ Новгородцы, понимая важность этого мѣста, обвели Ладожскую-Крѣпость каменною стѣною. Въ то время Ингрія состояла изъ однихъ пустынь и болотъ, покрытыхъ непроходимыми лѣсами, и путь отъ Балтійскаго-Моря къ Ильменю былъ возможенъ только по Волхову; а потому Ладожская-Крѣпость была настоящимъ ключомъ къ Новгороду. Въ XIV вѣкѣ Ладога вмѣстѣ съ Орѣшкомъ отдана была во владѣніе Наримунту, сыну литовскаго князя Гедымина; но ни онъ, ни дѣти его не умѣли удержаться на этомъ удѣлѣ. Гордость Новгородцевъ, или безпокойная жизнь въ пограничныхъ крѣпостяхъ, заставили ихъ покинуть Россію и удалиться въ Литву (*). Въ началѣ исполинской борьбы Петра-Великаго съ Швеціею, Ладога была сборнымъ мѣстомъ, гдѣ сосредоточивались наши силы, назначенныя дѣйствовать при Балтійскомъ-Морѣ. Это были послѣдніе дни Старой-Ладоги.

Рюрикова-Крѣпость стоитъ на мысу, образуемомъ сліяніемъ рѣчки Ладожки съ Волховомъ. Она имѣетъ видъ неправильнаго треугольника, обращеннаго вершиною къ устью рѣчки и замкнутаго по угламъ круглыми башнями. Въ каждой башнѣ по четыре окна или отверстія. Посреди одной продольной стѣны, выходящей на Ладожку, находится четвертая башня, четырех-сторонняя, въ которой сдѣланы ворота. Крѣпость имѣетъ въ окружности до ста тридцати сажень, и это небольшое пространство еще болѣе стѣсняется отъ чрезвычайной толщины стѣнъ. Постройка грубая, но весьма-прочная. Стѣны и башни складены изъ дикаго камня и гранитныхъ обломковъ, связанныхъ твердымъ цементомъ, и снаружи обложены темной плитою; но эта обдѣлка теперь по большой части обвалилась. Извнѣ крѣпость укрѣплена перекопами, рвами, насыпями; остатки ихъ сохранились еще во многихъ мѣстахъ. Теперь Ладожская-Крѣпость служитъ церковной оградой: въ стѣнахъ ея двѣ церкви, одна деревянная, другая каменная. Послѣдняя церковь, Св.-Георгія-Побѣдоносца, принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ храмовъ въ Россіи. По орѳографіи надписей, найденныхъ къ прошедшемъ вѣкѣ подъ штукатуркою, время построенія этой церкви относятся къ XI вѣку, и думаютъ, что она памятникъ Ярослава I (**). Справедлива или нѣтъ такая догадка, только георгіевская церковь, безспорно, одна изъ самыхъ древнихъ во всей Россіи. Это очевидно и для непосвященныхъ. Она имѣетъ фигуру продолговатаго четырех-угольника, длиною въ 18, шириною въ 10 арш., и увѣнчана однимъ *верхомъ* или главою. Восточная или алтарная стѣна выгнута въ три полукружія, какъ во всѣхъ

(*) Древняя Россійская Вивліоѳика, 1774, т. IV, стр. 164.

(**) Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи, изданные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, т. I.

старинныхъ нашихъ церквахъ. При входѣ во внутренность, вы изумитесь: тѣснота и недостатокъ свѣта поразятъ васъ на первомъ шагу. Стѣны необыкновенной толщины, и четыре массивные столба, на которыхъ опираются арки, до такой степени стѣсняютъ церковь, что въ ней съ трудомъ могутъ помѣститься сорокъ человѣкъ; а узкія и высокія окна, похожія болѣе на какія-то отдушины, пропускаютъ свѣтъ очень-слабый. Внутренность церкви представляетъ фигуру креста, который образуется четырьмя столбами и лежащими на нихъ арками. Эта форма не заимствована у западнаго стиля, какъ думаютъ наши археологи, но издавна была отличительной чертой византійской архитектуры. И римскій и греческій храмъ имѣетъ форму креста, но только въ этихъ формахъ есть нѣкоторая разница. Въ церкви западнаго стиля крестъ образуется двумя прямоугольниками, пересѣкающимися предъ алтаремъ, и потому фигура его четырех-конечная. Въ византійской церкви онъ гораздо сложнѣе: тутъ отъ западныхъ дверей идетъ продольный корридоръ въ алтарь и пересѣкается тремя поперечными, которые образуются столбами, и, такимъ-образомъ, внутренность церкви получаетъ фигуру креста осьмиконечнаго.

Георгіевская церковь замѣчательна древней живописью. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, внутри церкви обвалилось нѣсколько штукатурки, и подъ нею оказалась старинная живопись. Это обратило вниманіе митрополита Гавріила. Надѣясь найдти какую-нибудь замѣчательную надпись о времени построенія церкви, онъ приказалъ отбить штукатурку, но предположеніе его не оправдалось вполнѣ. Эта обмазка отбита не вся, но мѣстами: отъ-этого нельзя видѣть всей стѣнописи. Еслибъ штукатурка была снята вполнѣ, то мы имѣли бы памятникъ русской живописи XV вѣка, сохранившійся безъ всякихъ поправокъ и поновленій, и георгіевская стѣнопись была бы важнымъ матеріаломъ для исторіи искусствъ въ Россіи. Изъ того, что теперь открыто подъ штукатуркой, любопытно находящееся на восточной стѣнѣ въ алтарѣ изображеніе св. Георгія, поражающаго змѣя. Это изображеніе замѣчательно оригинальностью рисунка и живостью красокъ. Но лучше всего сохранилась западная стѣна: на ней съ правой стороны изображенъ рай, а съ лѣвой адъ. Разсматривая живопись георгіевской церкви, нельзя не удивляться прочности красокъ и позолоты, которыя довольно-хорошо сохранились, пробывъ нѣсколько столѣтій подъ слоемъ штукатурки.

Въ Ладогѣ есть преданіе, что въ-старину проведенъ былъ изъ крѣпости тайникъ, или подземный ходъ, подъ Волховымъ на другой берегъ. За истину этого разсказа не ручаюсь. Впрочемъ, замѣчательно, что подобныя преданія существуютъ во многихъ древнихъ нашихъ городахъ, и доказываютъ, что подводные тоннели были давно извѣстны Русскимъ, и считались одною изъ военныхъ потребностей укрѣпленныхъ городовъ. Но если дѣйствительно такіе подводные ходы существовали у насъ на Руси, то едва-ли гдѣ-нибудь постройка ихъ была возможнѣе и легче, какъ здѣсь; потому-что Волховъ, при незначительной глубинѣ, течетъ подъ Ладогою въ каменистыхъ берегахъ, по каменистому ложу, и тѣмъ представляетъ всѣ удобства для подводныхъ работъ.

Отъ Села-Михаила-Архангела до Гостинопольской-Пристани простираются извѣстные волховскіе пороги, прежде очень-страшные для путешественниковъ. Олеарій описалъ ихъ въ своемъ путешествіи довольно-вѣрно. Онъ разсказываетъ, что сто человѣкъ съ трудомъ могли тащить барку черезъ пороги. Бичева, которою тянули одно судно, пор-

валась; оно рвнулось назадъ, увлекаемое стремительнымъ теченіемъ, и вѣроятно, разбилось бы объ утесы, еслибъ веревка, зацѣпясь за камень, не задержала его. Теперь волховскіе пороги не такъ страшны, но по мелкости воды, быстротѣ теченія и множеству подводныхъ камней все-еще опасны для судоходства. Ни одна барка не отваживается спуститься черезъ пороги, не взявъ лоцмана.

Волховъ богатъ рыбою. Въ порогахъ ловятся большіе сиги, и знатоки предпочитаютъ ихъ нѣвскимъ и озернымъ. Ловля рыбы въ порогахъ производится жителями прибрежныхъ деревень. При мелководіи и чрезвычайной быстротѣ, плаваніе на лодкахъ здѣсь невозможно; потому рыбаки спускаются въ рѣку въ длинныхъ кожаныхъ сапогахъ, къ которымъ пристегиваютъ ремнями треугольныя желѣзныя подковы съ острыми шипами. Въ такихъ сапогахъ они легко держатся въ рѣкѣ и ходятъ по скользскому, каменистому дну, несмотря на быстроту теченія. Рыбу ловятъ небольшими круглыми сѣтками или *сачками*, прикрѣпленными къ короткимъ рукоятямъ. Мы видѣли, какъ при закатѣ солнца человѣкъ до ста рыбаковъ бродило по рѣкѣ въ разныхъ направленіяхъ; вода шумѣла у ногъ ихъ и длинныя полосы бѣлѣющей пѣны струились по теченію. Въ-старину Ладога славилась рыбными ловлями.

Если Старая-Ладога замѣчательна по историческимъ воспоминаніямъ, то и окрестности ея не менѣе привлекательны по видамъ. Каменистые, высокіе берега Волхова круты и обрывисты, мѣстами поросли кустарникомъ, мѣстами бѣлѣютъ слоями плитнаго камня. Надъ ними высятся села и деревни, и тянутся ряды таинственныхъ кургановъ, какъ огромныя копны зеленаго сѣна. Рѣчка Ладожка вьется въ самыхъ прихотливыхъ изгибахъ, и романистъ сказалъ бы, что она голубой лентою вплетается въ свѣтлорусую косу Волхова.

Мы рѣшились, для разнообразія, ѣхать назадъ другой дорогой и взяли лошадей до деревни Лавы, лежащей на Ладожскомъ-Каналѣ. Дорога шла по мѣстамъ пустынымъ, лѣсистымъ, гдѣ изрѣдка встрѣчались небольшія деревни.

При самомъ выѣздѣ изъ Старой-Ладоги намъ попалась толпа цыганъ. Посереди большой луговины стояла телѣга съ поднятыми вверхъ оглоблями, и подлѣ нея тощая лошадь лѣниво щипала даровую траву. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ густой березой, лежалъ старикъ съ бѣлой какъ снѣгъ бородой; подлѣ него сидѣлъ молодой цыганъ, опершись задумчиво на руку, а передъ нимъ— женщина лѣтъ двадцати, съ черными, яркими глазами. Человѣкъ шесть дѣтей въ однообразныхъ рубищахъ рѣзвились и прыгали вокругъ желѣзнаго котла, подъ которымъ весело трещалъ огонёкъ... Ямщикъ сказалъ намъ, что недавно цыганы, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семействъ, переселены изъ Бессарабіи въ Ладожскій-Уѣздъ на постоянное жительство. Но несмотря на данное вспоможеніе, несмотря на бдительный надзоръ, эти дикіе питомцы степей не могутъ привыкнуть къ постоянной жизни.

Когда мы проѣзжали черезъ деревни, въ избахъ отворялись окна, и оттуда выглядывали любопытные жители проселочной дороги, а дѣти выбѣгали изъ воротъ, и никто—ни старый, ни малый—не пропускалъ насъ безъ поклона. Я сперва думалъ, что извощикъ нашъ часто бывалъ въ этой сторонѣ, и удивлялся его обширному знакомству; но

скоро узналъ, что онъ никого здѣсь не знаетъ, и что эти поклоны — простая учтивость, которая оказывается всякому проѣзжему. Эту черту нашей народной вѣжливости вы найдете во всѣхъ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, но только не на большой дорогѣ.

Подъ Лавою мы выѣхали на Ладожскій-Каналъ. Вотъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ великаго преобразователя Россіи, главный проводникъ нашей внутренней и заграничной торговли! Покоривъ берега Невы и Балтійскаго-Моря, Петръ начерталъ планъ огромный и смѣлый. На землѣ, только-что пріобрѣтенной оружіемъ, за которую должно еще было бороться съ врагомъ сильнымъ, онъ основываетъ городъ и переноситъ въ него столицу своего царства. Это событіе показало, что въ умѣ царя рѣшено было удержать вновь пріобрѣтенную землю навсегда, и всѣми русскими силами отстаивать владычество надъ нею. Этого мало. Петръ хотѣлъ показать и преемникамъ своимъ, и всему народу русскому, какъ должно дорожить этимъ краемъ: онъ приступилъ, не окончивъ еще войны, къ прорытію Ладожскаго-Канала, который бы, перенося произведенія наши на Сѣверъ и передавая намъ произведенія чужія, далъ совершенно новое направленіе нашей торговлѣ, и показалъ Русскимъ цѣну завоеванаго края. Первыми строителями канала были князь Меншиковъ и генералъ Инсаревъ, но успѣшное окончаніе его принадлежитъ графу Минниху. Длина Ладожскаго-Канала отъ ново-ладожскаго устья до шлиссельбургскаго—сто четыре версты, ширина десять сажень, глубина въ навигаціонное время отъ четырехъ до семи футовъ. Каналъ наполняется водою изъ рѣки Назіи, Шальдихи, Лавы и Кобоны и изъ нарочно-устроенныхъ по южной сторонѣ водохранилищъ. Для отвращенія недостатка воды въ-случаѣ необыкновенныхъ засухъ, въ Новой-Ладогѣ устроены водоподъемныя машины, которыя могутъ доставить изъ Волхова въ одинъ сутки болѣе тридцати тысячъ кубическихъ сажень воды. Но случается, что при всѣхъ этихъ средствахъ вода до-того понижается, что проходъ тяжелыхъ барокъ дѣлается затруднительнымъ. Теперь приняты мѣры къ устраненію этого препятствія прорытіемъ новаго канала изъ Волхова—отъ Гостинопольской-Пристани, въ кривое колѣно Ладожскаго-Канала, за восемь верстъ отъ Новой-Ладоги. Излишняя вода выпускается въ озеро посредствомъ девяти водоспусковъ, устроенныхъ по всему протяженію канала.

Лава—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ деревень на Ладожскомъ-Каналѣ. Она расположена при устьѣ рѣки Лавы, которая до начала великой сѣверной войны служила границею между Россіею и Швеціею, а теперь водами своими питаетъ знаменитый сѣверный каналъ. Почтовая дорога въ Шлиссельбургъ идетъ по самому берегу Ладожскаго-Канала; но теперь предположено устроить шоссе по верхней дамбѣ. Это необходимо, потому-что настоящая дорога весьма-незавидна, особенно въ дождливую погоду, когда она покрывается вязкою грязью, во многихъ мѣстахъ почти непроходимою; притомъ, пролегая по самому берегу, она мало-по-малу осыпается и тѣмъ вредитъ самому каналу.

Продолжительный переѣздъ на ямской телѣжкѣ такъ утомилъ меня, давно-отвыкшаго отъ этого національнаго экипажа, что мы рѣшились ѣхать изъ Лавы водою. Передъ трактиромъ стояла тихвинская лодка, отправлявшаяся въ Петербургъ, и бичеву пристегивали уже къ лошади. Но зная по опыту какія удовольствія ожидаютъ пассажира на этой лодкѣ, я не рѣшился ѣхать на ней, несмотря на убѣ-

дительное приглашеніе лодочника, увѣрявшаго, что въ каютѣ очень-просторно, и что мы черезъ пять часовъ будемъ въ Шлюшинѣ. Эти убѣжденія то же, что краснорѣчивые разсказы гостиподворцевъ о *настоящемъ англицкомъ* товарѣ. Мы наняли особую маленькую лодку, и черезъ полчаса отправились *рысью* въ Шлиссельбургъ. Выраженіе это съ перваго взгляда покажется страннымъ, но оно очень-обыкновенно на Ладожскомъ-Каналѣ. Здѣсь говорятъ: «лодка идетъ шагомъ, лодка идетъ рысью», смотря потому, какъ идетъ лошадь подъ-бичевою.

На всемъ протяженіи Ладожскаго-Канала отъ Лавы до Шлиссельбурга тянулся непрерывный рядъ барокъ и разнаго рода большихъ судовъ, по бо́льшей части съ хлѣбомъ и дровами. Иногда каналъ скрывался отъ насъ при поворотѣ, но длинная веренница мачтъ, какъ-будто выросшихъ изъ земли, показывала направленіе его. Одни суда тянулись лошадьми, другія *лямкою*. Человѣкъ десять мужиковъ, въ синихъ рубахахъ, босикомъ, идутъ по берегу тихимъ, размѣреннымъ шагомъ, напѣвая иногда какую-нибудь пѣсню. На плечахъ у нихъ надѣты широкіе черные ремни, къ которымъ прикрѣплены веревки, привязанныя къ бичевѣ. Эти ремни и называются лямкой. Цѣлое лѣто проводитъ иногда русскій крестьянинъ въ этой работѣ. Но онъ доволенъ, безпрестанно шутитъ, и еслибъ вамъ случилось взглянуть на него въ то время, когда онъ послѣ утомительнаго перехода слѣтъ за артельную чашку, вы подумали бы, что счастливѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ.

Черезъ часъ мы обогнали тихвинскую лодку, на которую приглашали меня въ Лавѣ. Мальчишка, погонщикъ нашъ, закричалъ лодочнику: «Эй, дядюшка! сколько разъ будешь кормить до Шлюшина?»—«У нихъ въ Тифинѣ», продолжалъ онъ, обращаясь къ толпѣ мужиковъ, тянувшихъ на встрѣчу намъ большую барку: — «ѣздятъ на нѣмецкій ладъ: лѣсомъ — парусомъ, а горою—водою».

— Знатный *кипажъ*! возразилъ одинъ изъ мужиковъ, поворачивая голову къ тихвинской лодкѣ: — онъ еще не обошелся, а вотъ поизпоровится, такъ, пожалуй, къ Александрову дню и въ Питеръ будетъ!

Лодочникъ отвѣчалъ бранью, а нашъ насмѣшникъ принялся такъ усердно погонять лошадь, что черезъ три часа мы были въ Шлиссельбургѣ.

А. М.